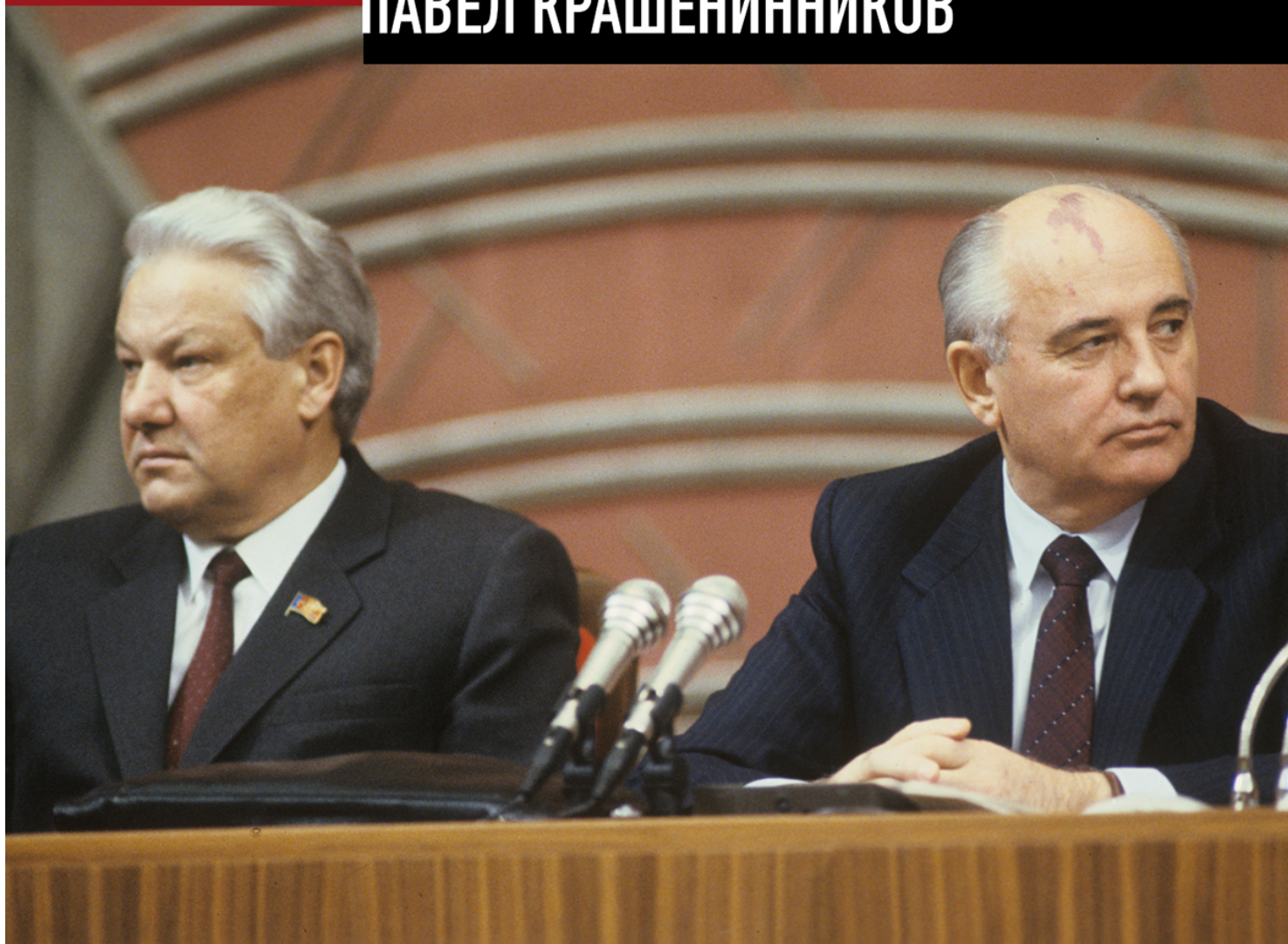

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО
1985–1991

ПАВЕЛ КРАШЕНИННИКОВ

От первого лица. История нашей страны

Павел Крашенинников

**Оптимистическая трагедия
перестройки. Государство
и право, 1985–1991**

«ЭКСМО»

2025

УДК 94(47+57)"1985/91"
ББК 63.3(2)635

Крашенинников П. В.

Оптимистическая трагедия перестройки. Государство и право, 1985–1991 / П. В. Крашенинников — «Эксмо», 2025 — (От первого лица. История нашей страны)

ISBN 978-5-04-251356-5

Время надежд. Время ошибок. Время, изменившее всё. Перестройка стала одним из самых драматичных периодов XX века. Миллионы людей ждали перемен, верили в лучшее будущее, но итог оказался совсем иным. Павел Крашенинников предлагает взглянуть на события 1985–1991 годов без мифов и идеологических штампов. – Как начиналась перестройка – Почему реформы вышли из-под контроля – Что привело к распаду СССР – Какие уроки мы должны извлечь сегодня Живой язык, глубокий анализ и взгляд очевидца эпохи через право, политику и судьбы людей. Для тех, кто хочет понять не только прошлое, но и настоящее.

УДК 94(47+57)"1985/91"
ББК 63.3(2)635

ISBN 978-5-04-251356-5

© Крашенинников П. В., 2025
© Эксмо, 2025

Содержание

Введение	6
Пролог. Разочарования и «черные лебеди»	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Павел Крашенинников

Оптимистическая трагедия перестройки.

Государство и право, 1985–1991

Во внутреннем оформлении использованы фотографии: © Александр Гращенков, Александр Макаров, Борис Бабанов, Борис Кауфман, Валерий Шустов, Владимир Акимов, Владимир Грановский, Владимир Родионов, Владимир Чистяков, Вячеслав Рунов, И. Носов, Игорь Костин, Игорь Михалев, Рубен Мангасарян, Рухкян Давид, Сергей Гунеев, Сергей Титов, Тер-Месропян, Усманов, Утарбеков, Фред Гринберг, Юрий Абрамочкин, Юрий Иванов / РИА Новости; © Соловьев С. / Фотохроника ТАСС / ИТАР-ТАСС.

© Крашенинников П. В., текст, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Редакция и автор выражают благодарность Степашицу С. В.,
Артизову А. Н., Гонгало Б. М., Тараборину Р. С., Урманову А. Р.,
Федеральному архивному агентству и Российскому государственному
архиву новейшей истории за неоценимую помощь в подготовке издания*

О государь, управляй людьми так, чтобы они не хотели перемен.
Юрий (Гурий) Крижанич

Введение

Чем выше мы поднимаемся по временной лестнице истории в наших очерках, тем больше кружится голова. И дело вовсе не в длине пройденного пути и не в усталости, скорее влияет более свежий ветер, близкая нам атмосфера. С другой стороны, нахлынули собственные воспоминания. При этом очень много разных взглядов, в том числе критических. Огромное количество и специалистов, и очевидцев, и даже участников тех событий. Мы в своих исследованиях подошли к середине 1980-х гг. – тому времени, когда большинство наших современников жили: родились, получали образование, работали, создавали семьи и т. д., впитывали в себя ту атмосферу – политическую, социальную, культурную, экономическую, бытовую.

Рассматриваемый период – 1985–1991 гг. – массовым сознанием оценивается крайне противоречиво. Одни называют его освободительной Перестройкой, другие – Катастрофой. Для одних это было время открытий и надежд, для других – время крушения основ и резкого снижения их социального статуса.

Прошло более 30 лет, но мы многое помним из того времени и у нас есть собственные впечатления. Тем не менее далеко не все смогли разобраться, прежде всего в себе, объективно проанализировать все случившееся. В тот бурный период каждый день с нами и вокруг нас (в семье, в учебе, на работе) происходило что-то необычное, крутые виражи в политике партии, экономике, праве, в осознании действительности следовали один за другим.

Советский Союз – страна, выигравшая войну, – распался; люди, перенесшие невероятные испытания, оказались отгороженными друг от друга государственными (!) границами. Как же это могло произойти? Будем вместе разбираться.

Есть немалое количество работ, посвященных этому времени, здесь мы рассмотрим государственно-правовые вопросы той эпохи с опорой на принимаемые правовые документы. Право – это не только социальный регулятор, но и своеобразная летопись происходивших изменений в обществе и государстве. Зная, каковы законы в государстве, как они применяются, легче сказать, что оно собой представляет.

Пролог. Разочарования и «черные лебеди»

На последнем отрезке времени своего существования система управления в СССР все ярче проявляла свои врожденные пороки. В основе этой системы лежали марксистские догмы в ленинской и сталинской интерпретациях, безумная отвага большевиков, намеревавшихся осуществить мировую социалистическую революцию, и патернализм значительной части населения страны, веками приученного жить милостями царя и своего барина, а не своим умом.

Этот симбиоз наряду с привходящими историческими обстоятельствами (общенациональный системный кризис, Великая русская революция и Гражданская война), принудившими РСДРП (б) начать строительство государства, привел к построению особой конструкции системы управления страной. Суверенным центром принятия безусловных директив был узкий круг партийных вождей. Формально же власть принадлежала Советам. Однако в реальности Советы служили всего лишь инструментом исполнения партийных директив и ширмой для партийной диктатуры.

Такая двухэтажная конструкция системы управления была обусловлена необходимостью обеспечить легитимность Советской власти¹. Естественным следствием такой конструкции стала дуалистическая природа советского права, состоявшая из Права катастроф, обеспечивавшего директивное регулирование, и привычного писаного (позитивного) права.

В условиях Гражданской войны, ускоренной индустриализации, поголовной коллективизации и Великой Отечественной войны Право катастроф, понятное дело, доминировало, законодательная деятельность замерла, а многие существовавшие законодательные акты, принятые по большей части в период НЭПа, в основном игнорировались.

Советская экономика имела мобилизационный, сверхцентрализованный плановый характер, была основана на внеэкономическом принуждении к труду, исключала наличие частной собственности и конкуренции. Такая система показала свою эффективность в годы Гражданской войны, первых пятилеток, способствовала победе в Великой Отечественной войне. С конца 1950-х и до конца 1980-х гг. советская экономика считалась второй в мире после экономики США. Однако в условиях мирного времени, когда был достигнут ракетно-ядерный паритет, соревнование социализма и капитализма переместилось в сферу овладения плодами научно-технической революции и построения общества всеобщего благоденствия (в советской интерпретации – коммунизма). Стало очевидно, что социалистическая экономика (а вместе с ней и уровень жизни советских граждан) начала существенно отставать от капиталистической.

Вторая бюрократическая революция², случившаяся после смерти Сталина, заключавшаяся в обеспечении неприкосновенности и несменяемости номенклатурных кадров, привела к окончательному закреплению двухэтажной системы управления. Брежневское Политбюро, присвоившее себе статус суверена, в основном состояло из сталинских выдвиженцев, приученных беспрекословно выполнять директивы, а не мыслить. Марксистско-ленинско-сталинские нарративы воспринимались ими не как учение, а в виде традиций, которым следует неукоснительно следовать.

Между тем, как сказал выдающийся композитор Густав Малер, традиции – это передача огня, а не поклонение пеплу. Вот только огонь революции окончательно погас после отставки Хрущева. Остался только пепел бессмысленных бюрократических процедур. Хрущевский коммунизм был разжалован в брежневский «развитой социализм», а гражданам была предъявлена новая социальная политика, призванная полностью обеспечить духовные и материальные

¹ См.: Крашенинников П. В. Государство против революции. 1923–1938. М.: Эксмо, 2024. С. 48.

² См.: Крашенинников П. В. Золотой сон бюрократии. Государство и право эпохи застоя. 1964–1985. М.: Эксмо, 2026. С. 15–16.

потребности граждан исключительно за счет государства, а не плодов их труда³. Грандиозные социальные программы вроде обеспечения всех нуждающихся жильем пожирали значительную часть бюджета, но заметных улучшений уровня жизни советских граждан не приносили.

Поскольку марксизм в конечном счете все сводит к экономике, руководство СССР пыталось осуществить экономические реформы, напоминающие НЭП. Реформы Маленкова и Хрущева, а также косыгинская реформа поначалу давали положительный эффект, но впоследствии неминуемо сворачивались, поскольку вводимые ими элементы рыночных отношений были несовместимы с двухэтажной системой управления и плановой природой советской экономики, а в случае их последовательного внедрения были чреваты утратой власти партийной номенклатурой.

Главным отличием указанных реформ от ленинского НЭПа было не только полнейшее отсутствие частной собственности и запрет рыночных отношений. Если НЭП изначально трактовался как временное отступление, как регрессивный проект, то реформы Маленкова и Косыгина объявлялись прогрессивными начинаниями, призванными обеспечить население товарами народного потребления и сельскохозяйственными продуктами в первом случае и плодами научно-технической революции – во втором.

После того как косыгинская реформа, обеспечившая выполнение наиболее успешной за всю историю СССР пятилетки, была свернута, а поток нефтедолларов, вызванный ближневосточным кризисом 1973–1974 гг., иссяк, дела пошли совсем плохо. Темпы роста производства промышленной и сельскохозяйственной продукции снижались, дефицит охватывал все большее количество продуктов питания и ширпотреб. Советские граждане все сильнее испытывали когнитивный диссонанс.

С одной стороны, многие продолжали верить, что СССР – самая передовая страна в мире, и обоснованно гордились достижениями советской науки и техники, особенно в сфере освоения космоса и ядерной энергии.

С другой стороны, блага широко распиаренной новой социальной политики покрывали далеко не все потребности советских граждан, а образцы импортного ширпотребя, изредка попадавшие в руки отдельным счастливым и являвшиеся жесточайшим дефицитом, ярко свидетельствовали о преимуществе капиталистического общества потребления над развитым социализмом.

Этот разрыв между тезисами Морального кодекса строителя коммунизма и ценностями общества потребления глубоко укоренился в головах советских граждан. От палки сервелата или американских джинсов в то время не отказались бы даже самые упертые романтики революции и жрецы официальной идеологии. Причем последние имели официальный доступ к дефициту через систему спецраспределителей.

В результате значительное количество граждан решило улучшать свое благосостояние на капиталистический манер по принципу «спасение утопающих – дело рук самих утопающих».

Дефицит стимулировал значительную часть оборотистых граждан, вдохнувших воздух экономической свободы во времена косыгинских реформ, к созданию теневых производственных структур для удовлетворения спроса населения. Возникла организованная теневая экономика, в которой в 1989 г. было занято 12 % трудовых ресурсов страны⁴.

Многие искали способы дополнительных заработков, позволявшие увеличивать возможности свои и своей семьи, в том числе приобретать дефицитные товары по рыночным ценам, и часто вовлекались в теневую экономику, занимались разного рода спекуляциями, маклерством, репетиторством и т. д.

³ См.: Крашенинников П. В. Золотой сон бюрократии. Государство и право эпохи застоя. 1964–1985. М.: Эксмо, 2026. С. 254–265.

⁴ См.: Корягина Т. Теневая экономика в СССР // Вопросы экономики. 1990. № 3. С. 12–21.

Хищение общенародной собственности, использование рабочего времени и государственного оборудования в личных целях, а также участие в рынке административных услуг, позволявшие получать дефицитные товары и сервис «по благу», преследовались по закону, но были весьма распространенным явлением.

Теневой рынок существовал пусть и по сильно искаженным, но все-таки рыночным законам и полностью находился вне сферы деятельности управляющих систем государства. Зато был предметом неустанной заботы правоохранительных органов.

Однако советская бюрократия так и не нашла действенных способов преодоления все увеличивавшегося отставания от передовых стран. Кампания по внедрению результатов научных и инженерных разработок в народное хозяйство привела лишь к возрастанию бюрократического документооборота – так называемых актов внедрения, за которыми не существовало никакой реальности. Неадекватность плановой социалистической системы управления острейшим вызовом времени, особенно в условиях холодной войны и гонки вооружений, становилась все более очевидной.

Последовательное изменение соотношения сельского и городского населения страны меняло ценностные ориентации большинства советских граждан. Неизбежная урбанизация страны, происшедшая в середине 1960-х гг., привела к постепенному исчезновению патриархального уклада крестьянских домовладений. Советская семья стала малой, или нуклеарной, состоящей из детей и родителей, а потому детоцентристской. Целью жизни родителей стало обеспечение детей полноценным физическим развитием и хорошим образованием в качестве стартовых условий их дальнейшей жизненной карьеры. Личностные ценностные установки все больше превалировали над коллективными.

Увеличение городского населения происходило за счет переезда крестьян в города. Крестьяне или их дети, естественно, не могли враз отбросить сельскую культуру и стать носителями городской. Возник феномен маргинальной полугородской культуры, базовой ценностью которой было престижно-статусное потребление. С другой стороны, они сохраняли столетиями прививавшиеся крестьянству патерналистские настроения, чиновничество и мифологическое сознание.

Что касается носителей собственно городской культуры, к которым относилась большая часть интеллигенции, служащих и потомственных рабочих, то для них непреходящими ценностями были все основные так называемые буржуазные свободы, прежде всего свобода выбора – своей судьбы, образа жизни, потребительских привычек, наконец. И это не удивительно, если вспомнить, что буржуазия есть порождение городов.

Была еще одна активная часть городского населения – бывшие заключенные исправительно-трудовых лагерей. Они были весьма сплоченными и жестко отстаивали свои интересы. Эта часть концентрировалась в рабочих районах промышленных городов. Здесь всегда были свое «самоуправление» и защита «своих от чужих».

Очевидно, что представители этих слоев населения не всегда друг друга понимали.

Тем не менее и те и другие считали себя обделенными. Одни – недостаточностью государственного внимания, другие – многочисленными рогатками, устраиваемыми государством для деловых людей (запрет частнопредпринимательской деятельности, запрет совместительства, преследование так называемых туенядцев, зарабатывающих на жизнь вне государственных структур, и пр.). Для многих граждан противоречие между жизнью, которую они вынуждены были вести, и их представлением о том, чего они могли бы достичь, было невыносимым.

В воздухе витало ощущение несправедливости, зависти к более удачливым соплеменникам, раздражение сложившимися обстоятельствами. В общем, нечто прямо противоположное «чувству глубокого удовлетворения» (а по-научному – синдром относительной депривации) овладевало массами.

Как утверждают некоторые политологи⁵, наличие синдрома относительной депривации способно вызвать стремление общества к переменам, а это может привести к политическим потрясениям, оказывающим значительное влияние на дальнейшую социальную динамику.

Ярким проявлением этого синдрома стали немногочисленные, но очень шумные представители диссидентского движения. Диссиденты либерального толка требовали дальнейшего развития прогрессистского социалистического проекта путем укрепления прав и свобод граждан в СССР, построения в стране правового государства.

В противовес этим настроениям возникли диссиденты консервативного, национал-патриотического направления, призывавшие заменить прогрессистский коммунистический проект на регрессивный, вернуться во времена Российской империи, а то и допетровского Московского царства, но при сохранении тоталитарного режима Советского Союза. При кажущейся нелепости такого рода призывов, ориентированных на исчезающих носителей крестьянско-дворянского культурного кода, они нашли немало сторонников в среде партийной и советской номенклатуры второго и более низких эшелонов. Были они и среди представителей полугородской культуры, в которой крестьянская составляющая была еще достаточно велика.

К обоим направлениям диссидентского движения власти относились по принципу «оба хуже», считая устремления в сторону как старины глубокой, так и буржуазных прав и свобод вкупе с правовым государством явлениями сугубо антисоветскими. Партноменклатура не воспринимала диссидентов в качестве политических противников, но считала их возможной причиной нарушения равновесия монолитного советского общества⁶.

Властям, с помощью точечных репрессий и пропагандистских кампаний убедивших большую часть граждан, что диссиденты – это отщепенцы, агенты империализма и вообще неприятные люди, удалось к концу 1970-х гг. практически подавить диссидентское движение, да и вообще эксцессы свободомыслия. Тем не менее зерна были уже посеяны.

Пусть и в узкой прослойке продвинутой интеллигенции, но все же получили распространение образцы как самиздата (тексты, перепечатанные на пишущей машинке, реже ксерокопированные, притом что вся множительная техника находилась под строгим контролем КГБ) – произведения запрещенных авторов, включая диссидентов, так и тамиздата (книги тех же авторов, напечатанные за границей). Более широкое распространение получили так называемые кухонные посиделки – обсуждение тесными компаниями на кухнях «свинцовых мерзостей» советского бытия, зачастую сопровождавшееся употреблением крепких напитков, хоть как-то смягчавших синдром относительной депривации.

Между тем корень зла многие «кухонные» мыслители видели не в несоответствии авторитарной системы управления современному развитию советского общества, а в некомпетентности и неадекватности руководства во главе с Л. И. Брежневым, о чем красноречиво свидетельствует закрепившееся за ним прозвище Бровеносец в потемках. Типичное мировоззрение человека авторитарного общества, уверенного, что «хороший царь» способен кардинально улучшить ситуацию, дать народу свободу и уважение к правам человека.

Усугубляли кризис чрезвычайные обстоятельства, которые в наше время принято называть «черными лебедями». О «лебедях» Перестройки мы поговорим подробнее в главе 2. Несколько слов – о предперестроечных «лебедях». Они увеличивали вероятность разбалансирования действующей системы управления. Назовем этих «лебедей»:

– первый – это резкое падение цен на сырую нефть, вызвавшее снижение уровня жизни подавляющей части населения Советского Союза;

⁵ См., например: *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 378–380.

⁶ Подробнее см.: *Крашенинников П. В.* Золотой сон бюрократии: государство и право эпохи застоя. 1964–1985. М.: Эксмо, 2026. С. 109–161.

– следующий «лебедь» – это второй демографический переход, неизбежный для всех развитых стран и заключающийся в снижении рождаемости и увеличении продолжительности жизни, что при трудоизбыточности советских предприятий было серьезным вызовом;

– третий – Афганская война, в которую ввязалось советское руководство в 1979 г. и которая усиливала депрессивные настроения в обществе⁷. В связи с этим конфликтом резко обострилась холодная война. В 1983 г. президент США Р. Рейган объявил о новом витке гонки вооружений (так называемые звездные войны⁸), нацеленном на экономическое истощение, как он выразился, «империи зла» – Советского Союза.

В условиях застоя в общественно-политической жизни, экономической стагнации и усиления международной напряженности нарастали депрессивные настроения в обществе. Будущее казалось безнадежным. Возможность преодоления кризиса эволюционным путем усилиями закосневшей системы управления таяла на глазах, но и революцией, как говорится, не пахло. В то время политических структур, ставивших своей целью изменение общественно-политического строя, не существовало. Подавляющее большинство советских граждан оставалось приверженцами Советской власти и коммунистического проекта, который они считали наиболее прогрессивным. Так что говорить о назревшей предреволюционной ситуации не приходилось.

⁷ Участие Ограниченного контингента советских войск в гражданской войне в Афганистане на стороне властей, по сути, означало участие в партизанской войне, победить в которой силами регулярной армии было невозможно, поскольку действия партизан опирались на поддержку значительной части населения. Из Афганистана в СССР возвращался так называемый груз 200 (потери Советской Армии составили 14 тыс. 427 человек; см.: *Кривошеев Г. Ф. и др.* Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М.: Вече, 2010. С. 536–537), а также физически и морально покалеченные молодые люди.

⁸ Стратегическая оборонная инициатива (СОИ) – долгосрочная программа научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Основной целью СОИ являлось создание научно-технического задела для разработки широкомасштабной системы противоракетной обороны (ПРО) США с элементами космического базирования, исключающей или ограничивающей возможное поражение наземных и морских целей из космоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.